ИСТИННЫЙ ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ПУТЬ РОССИИ

«От цивилизационной данности к методологическому лидерству»

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о пути России — один из самых устойчивых в отечественной интеллектуальной традиции. Славянофилы и западники, евразийцы и либералы, государственники и анархисты — каждый предлагал свою версию ответа. Однако все эти споры объединяла одна предпосылка: Россия ищет свой путь среди уже существующих, выбирает между уже проложенными траекториями. Запад или Восток? Либерализм или традиция? Рынок или план? Догонять или сохранять?

Настоящая монография предлагает иной подход. Истинный прескриптивный путь России — это не выбор между чужими моделями. Это выход за пределы самой дихотомии «свой — чужой». Это переход от адаптации к проектированию, от заимствования к порождению, от следования к опережению. Это не поиск пути среди существующих, а создание пути, которого еще нет.

Прескриптивный путь — это не новая идеология. Идеология предполагает набор ценностей, которые нужно принять. Прескриптивный путь предлагает методологию — инструменты, которые можно использовать независимо от ценностных предпочтений. Идеология требует веры. Методология требует компетенции. Идеология разделяет. Методология объединяет.

Россия, обладающая уникальным опытом цивилизационного синтеза, способностью к удержанию противоречий, проектной волей, проявленной в освоении пространства и космическом рывке, может стать не просто страной, следующей по чужому пути, и не просто страной, возвращающейся к своему, а страной, прокладывающей путь для всех. Не догоняющей, а опережающей. Не адаптирующейся, а проектирующей. Не потребителем чужих смыслов, а генератором методологии для всего мира.

ГЛАВА 1. РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДАННОСТЬ

1.1. Спор о пути как симптом

Три столетия российская мысль бьется над вопросом о пути. Петровские реформы породили раскол, который не зажил до сих пор. Славянофилы утверждали: у России свой путь, непохожий на западный, основанный на соборности, православии, общинности. Западники возражали: Россия должна пройти тот же путь, что и Европа, чтобы стать современной державой. Евразийцы искали третий путь — не Европа и не Азия, а особый мир, Евразия.

Спор этот был не академическим. Он определял выборы: реформы или контрреформы, открытость или закрытость, модернизацию или архаизацию. Каждый раз, когда Россия оказывалась на историческом перепутье, спор о пути вспыхивал с новой силой. И каждый раз оказывалось, что ни один из предложенных ответов не был окончательным. Западническая модернизация оставляла ощущение утраты идентичности. Славянофильская архаизация вела к отставанию. Евразийский синтез оставался скорее интуицией, чем методологией.

Сегодня, после крушения коммунистического проекта и исчерпания либеральной модели, спор о пути возобновился. Но в новых условиях он требует не выбора между старыми ответами, а выхода за пределы самой постановки вопроса. Проблема России не в том, какой путь выбрать, а в том, как перестать выбирать между чужими путями и начать проектировать свой.

1.2. Русский код как способность к синтезу

Что такое русский путь, если не сводить его ни к западничеству, ни к славянофильству, ни к евразийству? Может быть, сама способность к синтезу, к удержанию противоречий, к поиску третьей координаты там, где другие видят лишь бинарную оппозицию?

Русская культура, русская история, русская философия — все это пронизано синтезом. Синтез православия и язычества, давший уникальную народную религиозность. Синтез Европы и Азии, сделавший Россию цивилизацией, которая не является ни той, ни другой. Синтез традиции и модернизации, проявившийся в петровских реформах, которые не разрушили, а преобразили страну. Синтез коллективного и индивидуального, нашедший выражение в русской литературе, где личность всегда соотнесена с миром, а мир — с личностью.

Эта способность к синтезу — не выбор, а данность. Она дана географией — пространством между Европой и Азией. Она дана историей — тысячелетним опытом сосуществования разных народов, культур, религий. Она дана языком — способностью выражать сложное через простое, глубокое через обыденное. Она дана литературой — школой понимания человеческой души во всей ее противоречивости.

Русский код — это не набор архетипов, не застывшая матрица, не мифологическая конструкция. Это способность к синтезу, ставшая второй натурой. Это умение не выбирать между противоположностями, а находить третью координату, в которой они перестают быть противоположностями.

1.3. Проектная воля как историческая константа

Если способность к синтезу — это ментальная данность, то проектная воля — историческая. Россия всегда была проектом. Освоение Сибири — проект,

растянувшийся на столетия. Строительство империи — проект, в котором участвовали поколения. Петровские реформы — проект, осуществленный волей одного человека, но продолжавшийся после него. Советская индустриализация — проект, мобилизовавший страну. Космический рывок — проект, доказавший, что невозможное возможно.

Проектная воля — это способность жертвовать настоящим ради будущего, которое увидят не мы, а наши внуки. Это готовность к сверхусилиям, к преодолению инерции, к выходу за пределы очевидного. Это умение удерживать цель, даже когда все обстоятельства против.

Западная культура, ориентированная на индивидуальный успех и сиюминутное удовольствие, часто не понимает этой черты. Русская проектная воля кажется иррациональной. Зачем строить дорогу через Сибирь, когда можно жить в европейской части? Зачем лететь в космос, когда можно потратить деньги на потребительские товары? Зачем создавать соборы, которые будут достраивать правнуки?

Ответ в том, что проектная воля — это способ существования. Россия не выбирает, быть ей проектом или нет. Она есть проект. И вопрос не в том, чтобы отказаться от проектной воли, а в том, чтобы дать ей язык, методологию, институты. Чтобы она из стихийной силы стала сознательной технологией.

ГЛАВА 2. КРИЗИС ВЫБОРА: ПОЧЕМУ СТАРЫЕ ПУТИ ИСЧЕРПАНЫ

2.1. Исчерпание западничества

Западничество было первой и самой влиятельной попыткой ответить на вопрос о пути России. Его основная идея: Россия должна пройти тот же путь, что и Европа, чтобы стать современной, процветающей, свободной страной. Либеральные реформы, рыночная экономика, демократические институты, права человека — все это предлагалось как универсальная модель, пригодная для России.

Западничество дало многое. Оно открыло Россию для европейской культуры, науки, образования. Оно создало интеллектуальную и политическую элиту, способную мыслить в категориях современности. Оно дало импульс к реформам, которые сделали Россию великой державой.

Но сегодня западничество исчерпало себя. Не потому, что Запад стал хуже. А потому, что универсалистские претензии либеральной модели разбились о культурное разнообразие мира. Демократия, в том виде, в котором она существует на Западе, не приживается в обществах с иной историей, иной культурой, иными ценностями. Рыночная экономика порождает неравенство, подрывающее социальную стабильность. Права человека, трактуемые как абсолют, вступают в конфликт с коллективными ценностями и национальными интересами.